

На болотной стежке. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://bykovvasil.ru/> Приятного чтения!

На болотной стежке. Василий Владимирович Быков

Выйдя во двор, она прислушалась.

Прислушивалась она всегда, что бы ни делала во дворе или в хате, или когда молча стояла в сенях, – как и все теперь в этой лесной деревне, которая притихла, затаилась к ночи, готовая ко всему – к тревоге, несчастью, беде. Потому что – чего же еще можно было ожидать в такое время в этих лесных местах?

Прислушиваясь, она всматривалась в ночную темень, целиком поглотившую убогие, почерневшие от старости хаты, изгороди и сараюшки, деревья при дворах, по обе стороны длинной деревенской улицы. Вокруг было тихо – ни крика, ни плача. Лишь на большаке в другом конце деревни глухо протарабанила по камням запоздалая телега – наверно, какие-то путники из местечка. Собаки давно здесь не лаяли, их постреляли партизаны, для которых собаки оказались не лучше полицаев. Людей в некогда многолюдной придорожной деревне заметно убавилось – многих парней по весне мобилизовали в полицию, другие подались в партизаны, остались одни бабы да дети. Девчат также стало немного, и не по причине замужества: девчата уходили, куда только было возможно – в лес, в местечко, а также по мобилизации на работу в Германию. Все старались куда-то сбежать, скрыться, уйти от войны, хотя мало кому это удавалось. Война наступала всюду и каждого, где бы тот ни оказался – в городе, захолустном местечке или в этой глухой под лесом деревне.

Женщина сняла с изгороди сушившуюся там дерюжку и только направилась к крыльцу, как с улицы во двор метнулась чья-то тусклая тень и послышался негромкий встревоженный голос:

– Учительница, родненькая, я же к вам бегу... Это же они там, у Морковиных. Уже пришли...

– Кто?

Она остановилась, стараясь лучше разглядеть в темноте пришедшую, которую уже узнала по голосу.

– Ну эти, из леса. Про мост спрашивают...

– Идем в хату...

Они поднялись на крыльцо, но в хату не пошли – затаились у притворенной двери в темных сенях.

– Придут, а я же сегодня дежурная. Моя же очередь караулить сегодня, – возбужденно продолжала женщина и тихонько заплакала.

– Ладно, не плачь, Алена, – сказала учительница и смолкла, не зная, что посоветовать, чем утешить женщину, если ее очередь сегодня караулить тот злосчастный мостик.

Недолго, однако, поплавав, Алена притихла – все же она ждала ответа. Но учительница молчала, она давно уже перестала понимать, как следовало поступать в таких и подобных случаях. А случаи эти выпадали ежедневно и почти каждую ночь. Какой найти выход для этих несчастных деревенских людей, детей и женщин, да и самой как уберечься от беды со своим восьмилетним Владиком? Остальных своих она всех потеряла, последним остался малолетка-сынок. Недавно еще надеялась пересидеть лихую годину у свекрови – немощной старухи, которая уже не выходила из хаты и во двор. Первое время здесь действительно было тихо, полиция появлялась редко, а старостой оказался человек незлой и относился к ней по-хорошему. Но так продолжалось недолго. А с лета все то, что недавно казалось убежищем – большой, близко подступающий к деревне лес, овраг да перелески, даже просторный луг с другой стороны, – стало причиной страха и опасности. Первой бедой для деревенцев стал старый мосток через болотистую речку, по которому они спокон веку ездили в местечко. Однажды утром, выгоняя на пастьбу коров, они увидели, что мостик разобран, бревна разбросаны, проехать по большаку стало невозможно. К полудню с той стороны подъехали три машины с полицейскими, и к вечеру мост был восстановлен. Но главный полицейский сказал, что это в первый и в последний раз. Если еще случится такое, пусть деревенцы пеняют на себя – им мало не будет. К осени полиция организовала охрану моста, для чего назначила

На болотной стежке. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru трех мужиков, которым выдали одну винтовку. Но винтовку вскоре украли, а мужики, опасаясь наказания, скрылись в лесу. Тогда караулить мост приказали в порядке очереди – от каждой семьи, как на пастьбу, выставляя на ночь сторожа, чтобы в случае чего знать, на кого возложить вину. На кого-то одного. В противном случае – отвечать всем. А как отвечать во время войны, все уже знали.

Учительница в сенях молчала, слушая и не слушая слезные причитания соседки, которая вдруг взмолилась:

– Может, вы бы подежурили за меня, милая? Я так боюсь!.. А вы, может, бы их уговорили, вас бы они послушались, – со слезами упрашивала Алена. – Вы же учительница...

– Была учительница! – не сдержавшись, холодно ответила она, вдруг ощутив неприязнь к соседке за ее бесцеремонную просьбу. Как она может взять на себя чужую ответственность? Да и кто вообще может ее взять, кому не хочется жить?

– Ладно, – сказала она, лишь бы прекратить разговор. – Ты иди.

– Я же боюсь. Они же меня убьют...

– Кто?

– Ну эти, партизаны. Или завтра – немцы. Если взорвут.

Это уж точно, подумала учительница, могут и расстрелять, и повесить. Может, ей лучше сегодня вовсе не ходить на шоссе, как-то отказаться. Но тогда должны назначить другого, а здесь у всех старики да дети, – тоже не выход.

– Я же вам маслица принесу, – льстиво уговаривала Алена. – У мамы еще коровка осталась...

– Что ты говоришь – какое маслице! Тут на виселице можно оказаться, а ты – маслице! – рассердилась она, тем давая понять, что говорить больше не будет. Но, когда Алена заплакала снова, сказала, смягчаясь:

– Ладно, иди и успокойся. Плачем не поможешь...

– Так вы согласны? – с последней надеждой спросила Алена уже с порога, но учительница не ответила.

Когда женщина ушла, она еще постояла в сенях, раздумывая, что же в конце концов сделать. Потом из хаты послышался голос Владика:

– Мама, а кто это приходил?

– Да это тетка Алена. Ты спи, сынок, все хорошо. – Она сказала это спокойно, но мальчишечья душа почувствовала, что не все хорошо у матери, и сын постоял у порога, дожидаясь, пока она не вошла в хату. В постели поправила на нем козушок, подвернула края под плечи. – Спи, сынок, – сказала совсем спокойно, а сама подумала: несчастный сынишка, безотцовщина с пятилетнего возраста, как тебе перерасти это время?

– А я думал, что партизаны, – засыпая, разочарованно проговорил Владик.

– Зачем тебе партизаны? – слегка удивилась мать.

– А чтоб немцев воевать.

– Еще навоюешься, – холодно сказала она. – Войны на всех хватит.

Малыш скоро уснул, разочарованный тем, что не встретил партизан, а она все сидела на лавке, думала. В запечье не спала, как всегда сухо покашливала свекровь. Она почти уже ни с кем в деревне не разговаривала – ушла в свои переживания, свое прошлое, которое у нее выдалось – не дай бог никому. Из некогда большого крестьянского рода на старости лет осталась последней – все члены ее семьи и родня попропадали в ту войну, революцию, после нее, во время классовой борьбы и коллективизации. Едва ли не последней ее надеждой и опорой в

На болотной стежке. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru старости оставался младший сын Афанасий – учитель, отец Владика, но и его не стало пять лет назад. Теперь у нее только внук Владя, которого нечем кормить, потому что коровку в начале осени увели в лес – партизанам на пропитание. А как малому на постном, без молока?

Учительница старалась думать о чем угодно, но не о приходе Алены, да напрасно. Встревоженный плач этой женщины продолжал будоражить ее сознание, и учительница сидела в темноте, думала. Ну что делать? Жаль было Алену с ее детьми, жаль своего Владика, наконец, жалко и себя тоже. Ну что это за доля такая, почему она, словно чахотка или рак, бережит ей душу, ни дня не давая покоя?

Черт бы их взял, этих партизан, сердито думала учительница, и что они привязались к этому мосту? Или нету им других мостов, больших, на шоссейных дорогах, где днем и ночью идут машины, везут оружие, войска? Что им этот их большак, по которому если за день проедет какая-нибудь пара машин? В большинстве ездят местные – возят на базар картошку, дрова из леса или по какому-то хозяйственному делу в местечко и обратно. Или у них там важный стратегический расчет, недоступный для понимания здешней женщины, издрожавшейся за ночь от страха перед грозной ответственью?

Она и сама немало натерпелась, когда на прошлой неделе отбывала свою очередь у моста, озябла, переволновалась, едва дождалась утра. Но ей повезло, в ее очередь никто на мост не пришел, а вот теперь может быть хуже. Не повезло Алене... Да и что может сделать Алена, когда те придут? Разве что станет кричать? Но на крик по теперешнему времени есть простое средство – винтовка. А завтра нагрянет полиция, немцы из гарнизона, возьмут заложников да еще повесят, как в Залужье – семь человек за телефонную линию, которую спилили совсем не залужане, говорили, парни из соседней деревни Гузы. Теперь не то время, чтобы разбираться, убивают всех без разбора, ради страха, который одинаково владеет всеми – партизанами и немцами.

Она еще не осознала, что сделает, но уже определенная потребность овладевала ею. Неотступная, словно страсть, она вынуждала ее к чему-то конкретному, и учительница поднялась с табуретки. Владик не просыпался, и она не стала его беспокоить – как была, без ватника, в башмаках на босую ногу, вышла во двор.

Видно, деревня уже спала, нигде не слышалось ни звука, не блеснул ни один огонек в окне. Может, и не все уснули, но все и всюду затихли, затаились из опасения, чтобы никто не потревожил, не постучал в окно. И по ночам прихожих хватало, не меньше, чем днем, а то и больше. С низкого неба сыпался мелкий дождик, но ветер был несильный и не очень холодный. Выйдя со двора, учительница в нерешительности остановилась: дальше можно было идти по грязной улице, но она перелезла через изгородь и направилась стежкой. Морковины жили на краю деревни, у леса, рядом с кладбищем. Это были две молодые девки – одна уже с малым, неизвестно от кого нажитым в войну, другая также незамужняя, больная на голову... Должно быть, партизаны забредали к ним не впервые, учительница уже слышала о них бабьи сплетни, хотя и не слишком интересовалась ими. Осторожно приближаясь огородом к их хате, она все прислушивалась – нет, оттуда не доносилось никаких звуков, не было и света в окне. Может, эта Алена что-то напутала, и Морковины давно уже спят? Или она опоздала, партизаны ушли на шоссе. Что ей тогда делать?

Подойдя ближе к черному углу хаты, она все же заметила слабый проблеск света в завешенном окне – значит, сестры не спят. Но было тихо, и она стала осторожно пробираться по грязному двору к сням, как тут была остановлена близким негромким окриком:

– Стой! Куда?

– Да – сюда, – растерялась учительница, уже поняв, кто ее остановил. На фоне светловатого неба поодаль смутно темнел силуэт человека с направленной на нее винтовкой.

– Я к Нюре, – все еще растерянно проговорила учительница.

– Никакой тебе Нюры! – сказал человек тонким, мальчишечьим голосом. – Руки вверх!

С медлительной неуклюжестью она подняла обе руки, а парень, опустив винтовку,

На болотной стежке. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru постучал в окно. Занавеска внутри отодвинулась – за стеклом появилось широкое мужское лицо со сдвинутым на голове картузом.

– Что там?

– Да вот – к Нюрке.

– Кто?

– Баба какая-то...

– Вообще мне к вам надо, – вдруг ослабевшим голосом сказала учительница.

Занавеска задвинулась, но вскоре стукнула дверь, и из темных сеней послышалось:

– Одна?

– Одна, – ответил караульщик.

– Давай ее сюда.

Неуверенным шагом она вошла в сени, потом открылась дверь в хату, из которой густо ударило табачным духом вперемешку с самогонной гарью, который так не любила учительница. На столе среди мисок с огурцами и кусками сала горела на перевернутой банке квелая коптилка. В ее мигающем свете видны были потные, обросшие щетиной мужские лица – молодых и не очень партизан – в сырой верхней одежде, ремнях и пряжках, с оружием в руках и за плечами. Все, враз смолкнув в полумраке застолья, из угла и со скамеек у окна уставились на нее – нежданную ночную гостью.

– Зачем пришла? – спросил один, облокотившийся о стол напротив – с виду пожилой мужчина в военной шинели и фуражке. Коптилка освещала снизу его черноусое, давно не бритое лицо, шерстистый подбородок. Глаз не было видно, но голос не показался ей строгим, она даже уловила в нем нотки заинтересованности и с деланной бодростью сказала:

– Я чтобы поговорить. С вами...

– Ты кто – здешняя?

– Здешняя, – сказала она.

– Нюрка, а, Нюрка! – обернулся партизан к печи. – А ну, глянь. Говорит, здешняя?

Откуда-то из-за постилки, которой было завешено запечье, выглянуло заспанное или пьяное лицо знакомой ей Нюрки.

– Да здешняя, – с неожиданной неприязнью сказала Нюрка. – Учительница...

– Учительница, значит, – в раздумье произнес партизан. – И чего ты шастаешь ночью? Ночью ходить запрещается – приказ коменданта района. Тебе известно?

Это был поворот разговора в нежелательную для нее сторону, и она даже засомневалась: партизаны ли это? Может, полицаи? Но что-то в ней и заупрямилось из-за этого их начальственного тона в разговоре, который становился похожим на допрос.

– Мне известно. Но и вам же, наверно, известно?

– А мы хер ложили на их приказы. Мы – партизаны! Тебе ясно? – сурово объявил человек, с непонятной остервенелостью уставившись на учительницу. И та подумала, что они хорошо уже выпили – вряд ли чего она добьется. Чтобы скорее закончить то, ради чего она сюда шла, учительница сказала:

– Говорят, вы мост хотите взорвать...

За столом все смолкли. Главный в фуражке вопросительно-тревожно взглянул на сидевшего рядом, интеллигентного с виду мужчину в немецком, со множеством

На болотной стежке. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru пуговиц кителе. Тот один тут был с непокрытой головой, на которой рассыпались надвое его белокурые волосы. Поискав взглядом еще кого-то за столом и, похоже, не найдя, он спросил у нее:

– Кто говорит?

– Ну, люди говорят. За этот мост ведь деревня отвечает, вы же, наверно, знаете. Вон и Нюрка пусть скажет.

– Я ничего не знаю, ничего не слышала, – донеслось из-за печи.

– А мы ни у кого спрашивать не будем, – твердым басом произнес тот, в фуражке. – Но почему ты прибежала? Мост защищать?

– Я не за мост – за людей. Людей ведь постреляют...

Партизан откинулся за столом, расправил под расстегнутой шинелью не узкую грудь.

– Смотри, какая жалостливая. Людей стало жалко! А нам что – не жалко? Мы что – не за людей кровь проливаем? Не за советскую власть? Или ты против советской власти?

– Я не против, – не сразу сказала она, стараясь что-то понять в логике его путаных мыслей. Она уже поняла, что прибежала сюда напрасно.

Этот в фуражке, над козырьком которой то и дело поблескивала красная звездочка, судя по всему, действительно был тут главным, наверно из окруженцев. Либо присланный с Большой земли, как они иногда говорили. Во всяком случае она почувствовала, что ничего хорошего от него не дождется. Но лицо его соседа-блондина показалось ей даже знакомым, хотя она и не могла вспомнить, где видела его. Наверно, до войны где-то. Возможно, в местечке.

– Я знаю ее, – вдруг тихо сказал блондин, обращаясь к главному. – Это учительница, до войны работала в местечке.

– Тем лучше, должна быть сознательной. И нам пособить. А не защищать немцев.

Такого поворота в разговоре она не ожидала.

– Я не защищаю немцев. Но подумайте о людях, – начиная волноваться, сказала она.

– Каких людях?

Глаза партизана засветились гневом, он ждал, и она, не сдержавшись, ответила с вызовом:

– Здешних. Деревенцев. Баб да ребят. Подумайте, что их ожидает. После того, как вы взорвете этот злополучный мостик!

Наверно, не так ее слова, как то нервное напряжение, с каким они были сказаны, произвело свое впечатление. Партизаны угрюмо молчали. Главный задумчиво вперился в стол, перебирая толстыми пальцами выщербленную вилку. Он с явным усилием что-то решал.

– Ну вот, – наконец внешне спокойно сказал он. – Операция срывается.

– Когда уже бабы обо всем треплются, – договорил кто-то за столом.

– Тогда и в полиции, может, обо всем знают? – вопросительно вытаращился на нее главный.

– Наверно же знают, – молодым тонким голосом подсказал кто-то сбоку. – Не впервые: что в Подлесье делается, сразу в местечке известно. В полиции также.

Главный поднял на нее тяжелый озабоченный взгляд.

– Это правда?

На болотной стежке. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Не знаю. Я с полицией дела не имею.

– А с кем имеешь? Может, с партизанами имеешь?

Прежде чем ответить, она немного подумала.

– Не рвусь иметь и с партизанами. Я сама по себе.

За столом опять все умолкли, потом ее блондинистый знакомец, слегка наклонившись к соседу, что-то шепнул.

– Ну, понятно, – сказал тот и с решимостью ударил ладонью по столу. – А с этой пускай Орел разбирается.

Он сказал это как о деле окончательно решенном, но за столом и в углу под образами, где кто-то сидел в полумраке, никто особенно не зашевелился – наверно, все ждали, что будет дальше. Слова партизанского командира, однако, не сразу, как-то замедленно доходили до ее сознания. Она все не могла сообразить, что ей делать. Или они отпускают ее, или нет? Или ей следовало самой повернуться и уйти? Но то, что операция отменяется, ей понравилось. На какое только время? Или, может быть, они это нарочно, для маскировки. Или взаправду?

Но как они поступят с нею?

Склонившись над столом, они, втроем или вчетвером, недолго посоветовались. Блондин с мягкими, рассыпавшимися на голове волосами что-то возразил, главный выругался; кто-то загадочно произнес: «Не здесь и не сейчас», и они быстро договорились. Начали вылезать из-за стола, разбирать какое-то имущество, оружие.

– А Нюрку? – спросил один, когда они густо затопали по полу, направляясь к выходу. Главный от порога бросил с намеком:

– Нюрку ты уж сам...

Она мало что поняла из их туманных слов и намеков и думала только, как ей отсюда выбраться. С каким-то Орлом ей совсем не хотелось встречаться, и она подумала, что, может, это к ней не относится. Но, по-видимому, отнеслось.

– Ну, марш! – негромко скомандовал один, высокий и поджарый, с каким-то болезненно белым даже в хатней темноте лицом. – На выход!

Человек восемь партизан один за другим направились к двери; она со своим конвоиром выходила последней. Но куда? Уж не расстрелять ли ее они надумали? И что же ей делать? Кричать?

– Нюрка, – окликнула она с порога. – Скажи им...

– Ничего не знаю, ничего не слышала, – донеслось из-за печи. Похоже, Нюрка окончательно сдурела или была сильно пьяной. Больше за нее заступиться тут было некому.

Но во дворе ее еще не расстреляли – вместе со всеми повели за околицу, к кладбищу. Партизаны, хотя и были выпивши, живо передвигались впотьмах. Следом за ней с винтовкой на плече шел тот, белолицый. Уже возле самого кладбища она со всей отчетливостью осознала, что с ней происходит, и остановилась.

– Что? – тотчас остановился и ее конвоир.

– Я никуда не пойду. У меня дома ребенок...

– Она не идет, – тихо, но выразительно сказал кому-то конвоир.

– Что значит – не идет? Не знаешь, что делать, если не идет? – глуховато донеслось из сырых мглистых сумерек.

– Есть, понял. Слышала? – переспросил конвоир и скинул с ремня винтовку.

Она поняла – эти не шутят, и вяло потащилась знакомой песчаной дорожкой – прочь

На болотной стежке. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
от села.

– Шире шаг! – подогнал сзади конвоир, добавив по-немецки: – Шнэль. Шнэль – поняла?

Ну, что ей было делать – отказаться идти, так, наверно, действительно он бы ее пристрелил и с облегчением догнал остальных. Она чувствовала это, но разумом не могла постичь – как же так? Это же – свои, не немцы и даже не полицаи, говорят почти по-нашему либо немного по-русски. А один даже узнал ее. Неужели они решатся ее убить? И за что? Что плохого она им сделала? Заступилась за своих деревенцев, потому что сами они за себя заступиться не могут? Боятся. Да и деревенские – разве враги им? Свои же, как они говорят, советские люди, за которых партизаны проливают кровь.

Но она уже знала, что говорить они умеют красиво. Всегда говорят правильно, а поступают наоборот. Такова уж их большевистская логика. Их большевистская политика – тоже.

Между тем они прошли и мимо кладбища, которое группкой сосен с едва приметными внизу крестами встретило и проводило женщину в ее скорбном пути. С темного неба все моросил докучливый дождик, ее платок и плечи под жакетом стали совсем мокрыми. Но она не ощущала большого холода – ее донимала обида: за что? Возможно, из-за того блондина, который узнал ее в хате? Может, он припомнил ее репрессированного мужа, с которым она вместе работала в школе? Если так, то она совершила непростительную глупость, и ей наверняка будет худо. Теперь они не простят ей ее мужа-нацдема, которого давно уже нет на свете. Зато обнаружилась его вдова, с которой можно поступить как хочешь. Не защитит никто. Тем более, если она сама прибежала к ним в руки. Кажется, только теперь она поняла это. Но что пользы от запоздалого понимания? Запоздалый разум никого не учит. Разве что таких дур, как она. Уж, кажется, мог бы научить наглядный урок ее отца, из-за своего альтруизма принявшего мученическую смерть. Но не научил, и теперь ее ждет расплата. Потому что за ошибки приходится расплачиваться... Но почему за нее должен платить ее Владик, который в восемь лет останется сиротой? Младенцем остался без отца, а теперь – и без матери. И что она натворила! Пожалела Алёну, нашла время для жалости. Хотя Алёна, может, еще и вывернется, а у нее, чтобы выжить, шансов все меньше – не хватило характера. Не убереглась. Но в такое страшное время иначе, видно, нельзя. Иначе ей не дано, не позволяет душа.

Но у мужа ее, Афанасия Петровича, душа, пожалуй, была иная – трезвая, без сантиментов, и также не уберегла человека. Хотя тогда они и не думали, чтобы уберечься. Тогда они были по-детски уверены в святой справедливости своего дела, за что и поплатились...

Они уже вошли в лес, когда сзади их догнал тот, что задержался в хате с Нюркой. Что он там делал это небольшое время, оставалось загадкой. Но их командир, должно быть, знал что-то, и, когда догнавший поравнялся с ним, впереди послышались их короткие, малопонятные реплики: «Ну, порядок, лады!» И все. Может, они убили и Нюрку, ужаснувшись, подумала учительница. Но за что?

А за что ее волокут неизвестно куда сквозь дождливую ночь?

Они шли извилистой дорожкой, петлявшей в темени хвойного леса. При хорошей погоде здесь было красиво. Летом учительница ходила сюда за ягодами – вместе с Владиком и деревенскими бабами. Бабы старались казаться веселыми, даже пытались петь. Правда, не все, некоторые сразу начинали плакать. Тогда в их окрестностях было еще тихо, о партизанах не было слышно. Это позже, к осени появились их первые отряды. Или набрались из местных, или пришли откуда, из менее удобных мест. Наверно, здешние места показались им более подходящими. Действительно – сухой хвойный лес с пригорками, большое болото рядом. Город далеко, а вокруг – малые и редкие деревеньки, среди которых Подлесье, может, самое большое – тридцать дворов. А тут наступила осень с ненастьем и холодами, вот и потянуло партизан ближе к жилью. А где партизаны, там и каратели – полицаи, гоняются друг за другом. Мирные люди между ними, под огнем с обеих сторон...

Как только в окрестных лесах появились партизаны, довоенная политика репрессий возобновилась с прежней силой. Днем зверствовали оккупанты с их помощниками – полицаями, а по ночам их сменяли люди из леса. Особенно досталось деревенцам, когда в недалеком урочище Козлы обосновался какой-то отряд особого назначения

На болотной стежке. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru под названием «Буран» или «Ураган». Эти «буранцы-ураганцы» еженощно шастали по деревням, кого-нибудь хватали и расстреливали. В Подлесье расстреляли трех мужиков – двоих, говорили, за то, что не хотели отдать кожухи, которые нужны были самим на зиму. Застрелили также подлесного старосту, неплохого пожилого человека, которого сами подлесовцы выбрали старостой на общем собрании. Тот очень не хотел, отказывался, тем более что его сын служил в Красной армии. Но по слабости характера вынужден был согласиться, и вот получил пулю в лоб.

И без того страшная жизнь под оккупацией стала еще страшнее, довоенный террор усилился. Пошел слух, что партизаны будут карать всех колхозников, которые стали единоличниками и разобрали из колхозов прежнюю свою землю. Это считалось преступлением против государства, которое недавно еще эту землю обобществило и отдало колхозам в их вечное пользование. Но не колхозникам. Тут у партизан и немцев было полное единодушие, так как и немцы стояли за нерушимость колхозного строя. Крестьяне, однако, не послушались ни тех, ни других, потому что крестьяне хотели жить.

Крестьяне хотели жить, но именно жить им и не давали все власти – советская, оккупационная, партизанская. Если не война, так революция, или классовая борьба, или коллективизация и ликвидация врагов народа. Спокойной жизни в стране учительница не помнила ни одного года.

В школе, куда они приехали после окончания Полоцкого педтехникума, только еще начинали обучение на белорусском языке, учителей-белорусоведов не хватало... Ее отец, сельский учитель, еще с дореволюционных времен преподавал математику, кроме которой не хотел знать ничего другого. Молодой преподаватель истории и обществоведения, партиец и активист Афанасий Петрович взялся еще и за белорусский язык и литературу, за которые не хотел браться никто. Учителя чувствовали шаткость политики белорусизации, лицемерное отношение к ней большевиков. Некоторые белорусизацию сравнивали с НЭПом и предсказывали ей скорый и неизбежный крах. Афанасий Петрович, когда они уже поженились, как-то сказал ей, что также немало сомневался, но взялся именно потому, что другие отказались, а учить детей было необходимо. Он видел в этом свой долг народного интеллигента, ибо, чтобы развивать народную культуру, нужно было владеть национальным языком. Возможно, именно за это его отношение к своему долгу она и полюбила этого человека, чтобы потом стать его женой.

Его служение национальной культуре, как и предвидели умные люди, продолжалось несколько считанных лет, полных вражды, насилия, репрессий со стороны власти, которая, как всегда, декларировала одно, а на практике делала другое. Однажды весной Афанасия Петровича зачислили в нацдемы и арестовали. Арестовывали не дома и не в школе – в числе троих других, униженных и оболганных, взяли во время осеннего учительского совещания, в зале, украшенном кумачовыми лозунгами и портретами Ленина-Сталина.

Она думала, что сойдет с ума из-за дикой несправедливости, писала и жаловалась, куда только можно было – от сельсовета до ЦИКа и товарища Червякова, да все напрасно. Итогом ее хлопот стало скорое исключение из комсомола. Заведующий районом однажды сурово повелел ей отказаться от мужа, иначе он не будет иметь возможности оставить ее в школе. Она долго колебалась, тянула с этим отказом, пока сам заведующий однажды и навсегда не исчез со своей квартиры. Никто не видел, как он исчез, но никто его и не искал. Отец тогда ей сказал: как ты можешь отказаться от человека, который является отцом твоего сына? Что тебе скажет сын, когда станет взрослым? Вообще она тоже готовилась к аресту, договорилась с подружкой насчет Владика, но подругу арестовали раньше, а она осталась. Спасло ее, как она считала, то, что она преподавала русский язык, и никогда – белорусский. После ареста Афанасия Петровича преподавать белорусский было некому, два года он не преподавался в школе. Учителя боялись браться за него, как и за белорусскую литературу тоже. Не было никакой гарантии, что через месяц или через год тебя не объявят националистом, врагом народа. Только одна учительница – еврейка Римма Борисовна на это согласилась, в белорусские националистки зачислить ее было трудно. До самой войны она преподавала в местечковой школе белорусский язык, и предвоенное поколение местечковцев пошло на войну со знанием родного языка, усвоенного от белорусоведа-еврейки. Сама же Римма Борисовна легла в общую могилу на окраине местечка, где в один день и час были расстреляны все местечковые евреи. И среди них – один нееврей, старый учитель математики Станислав Альбертович – ее отец, дед ее Владика.

На болотной стежке. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru Их опустевшую с начала войны местечковую школу сперва отобрали для размещения полиции, а потом она и вовсе сгорела, должно быть, подожженная партизанами. Тогда две учительницы с согласия властей открыли небольшую школку в частном доме, куда взяли на работу и ее. На этот раз она преподавала белорусский язык, русский преподавать запрещалось. Новый предмет давался ей легко, ребята хорошо усваивали знакомые с детства языковые правила. Литература даже показалась ей интересной, и она начала обучение с поэзии Максима Богдановича, его «Пагоны». Немецкие власти почти не интересовались школьными делами, но все же школа кому-то стала поперек горла. Однажды утром ее приятельницу-учительницу нашли на пороге квартиры с перерезанным горлом. Тут же валялась записка с угрозой, что такая участь постигнет и остальных «училок», которые прислуживают немцам. Школу пришлось оставить, она боялась за Владика, который начал там учиться. Но без работы жить в местечке было невозможно, и однажды, собрав в старый баул свое барахлишко, она на попутной телеге отправилась в дальнюю деревню Подлесье – к бабке. Тут она намеревалась пересидеть войну, а там, думалось, будет видно...

Должно быть, за полночь дождь перестал, но с ним закончился и бор, дальше пошло мелколесье – березняк с ольшаником. Впереди вся группа остановилась, подождали ее с конвоиром, и, когда они подошли, главный сказал:

– Клопов, поведешь один. Понял?

– Ну, – ответил ее конвоир.

– Прямо к командиру. Понял? Только не баловать мне по дороге. Понял? А то командир тебе х... отрубит...

На это конвоир не ответил, лишь шморгнул простуженным носом.

Группа пошла дальше лесной дорожкой, а они вдвоем свернули на какую-то тропинку или, может, просто в заросли, влезли в мрачную хвойную гущу, где ничего не было видно. Ее конвоир упорно пробирался вперед, и она старалась не слишком отставать. Как-то даже подумала: а не броситься ли куда в сторону и удрать? Но, должно быть, здесь не удерешь – догонят. И она так же пробиралась в зарослях, пока наконец они не выбрались на какой-то лесной прогал. Здесь идти стало легче, вроде посветлело вокруг, вблизи стали различимы березки с редкими сосенками между ними. И она подумала: а может, и хорошо, что ее поведут к какому-то командиру, уж она ему скажет! Пускай потом и убьют, но она скажет, что накопилось у людей за эту ужасную войну. Потому что кто же еще тут им скажет? Такие, как Алена, умеют лишь плакать. Вообще мы только и можем, что плакать, ныть да рыдать. Обычно, когда уже поздно, когда покойник – в гробу. Нет чтобы раньше, хотя бы разозлиться и выругаться, как умеют ругаться некоторые, особенно набравшись этой вонючей самогонки. Нет, видно, соплячки мы, бабы, да и мужики тоже... Я им скажу, что нельзя так воевать, как они воют. Сплошь на народной крови. Им-то легко, они в лесу и с оружием, они себя защитят, да еще потребуют помощи от людей. А кто подумает, каково людям? После их рейдов, диверсий и подрывов, когда налетят каратели да полиция? Они укроются в дальних лесах, за болотами, а где укрыться людям, если кто и уцелеет? Хорошо, если выручит лес, но в лесу долго не выживешь, и в лесу нужен хлеб да крыша над головой. А деревни превращаются в руины и пожарища. Вокруг все горит, рушится, зарастает крапивой. Для чего тогда и победа. Победа на кладбище. Возможно, это и слишком по-обывательски, по-простому, без учета их хитроумной военной стратегии. Но в этом – горькая народная судьба, жизни тысяч малых, старых и женщин, – кто обратит внимание на их горе? На их слезы и кровь. Похоже, никому нет дела до их страданий – ни немцам, ни полицаям, и партизанам – также. Этим только бы воевать, убивать друг друга, получать награды да угождать начальству. Одна надежда на Господа. Однако Господь далеко. Во всей мерзости на этой земле не разобраться и Господу...

Если подумать, так станет понятно, что прежде всего они заботятся о себе, все эти недавние секретари, партийцы, малые и большие чины от власти, бесконечное число их помощников. Из уютных кабинетов они вынуждены теперь перебраться в лесные землянки, потому что нагрешили за двадцать пять лет и испугались возмездия. Впрочем, испугались напрасно, возмездия могли избежать, если бы решились вовремя переметнуться к немцам. Многие и переметнулись, и снова заняли прежние кабинеты. Иным же, видать, не хватило решимости, пришлось уйти в лес, чтобы избежать гибели. Но за что гибнет неразумная зеленая молодежь, которая также стремится в лес? Защищать комсомол? Или советскую власть?

А дома у их родителей отбирают последних коровок.

Но что делать и молодежи, для которой так сужен выбор – либо в полицию, либо в партизаны. Жуткий выбор между гибелью и смертью. Потому что те, что оказались с немцами, точно погибнут – уж немцы защищать их не будут. А в партизанах, может, кто и уцелеет – не в том ли их скрытый, подсознательный расчет? Это вполне возможно, поэтому комсомол и партия тут ни при чем. Всем хочется жить, вот в чем дело.

От мокрых ветвей в лесной чаще насквозь промок ее тонкий жакет, юбка, которая то и дело липла к мокрым коленям, мешая идти. Похоже, она теряла последние силы, так устала за ночь и думала: ну где же, наконец, их лагерь? Но до лагеря пришлось еще перейти осоковатое болото, где ее дырявые ботинки набрали холодной воды. Далее она так и шла – звучно хлюпая в них ногами. Наконец выбрались на какой-то сухой пригорок, прошли между высоких сосен, и она увидела впереди людей. Как раз начало светать – робко, неуверенно начиналось туманное утро. Ужасная ночь, похоже, кончалась. Что принесет ей этот новый осенний день?

Из-за пригорка послышались негромкие голоса, где-то заржала лошадь, повеяло низким сырым дымком, – похоже, здесь было какое-то стойбище. На них уже обратили внимание, кто-то окликнул конвоира, который спросил хромавшего партизана о каком-то Кандыбине. Партизаны по одному и группами бродили среди редких сосен, шли за пригорок, но конвоир туда ее не повел, сказал: «Садись». И она опустилась на землю, спиной к шершавому комлю сосны. Тем временем почти рассвело, низом от болота плыл холодный туман, который здесь, на пригорке, смешивался с низкими космами дыма. Дым и туман стояли в ветвях неподвижных сосен, ветра не было вовсе. Где-то поблизости готовили, в лесу непривычно пахло вареным мясом. Ее конвоир все чаще начал поглядывать в сторону пригорка, похоже, утратив интерес к арестованной. А она совсем окоченела от стужи, ноги и плечи под мокрой одеждой озябли так, что не доставало силы дрожать. И она не дрожала. Она съезжилась, сжалась и терпела. Не знала только, надолго ли хватит ее терпения. Она начала думать про Владика, который, должно быть, еще спит, а что будет, когда проснется? Как обычно, сразу побежит за шкаф, к ее кровати, а ее там нет. Не найдет и во дворе, на огороде... Бедный, несчастный мальчик! За что ему все это...

Может, через час или больше между сосен из-за пригорка показались двое: один молодой, с автоматом на ремне, а другой, похоже, без оружия, в черной, сбитой набекрень кубанке. Не подходя близко, тот, в кубанке, издали крикнул конвоиру:

– Веди сюда!..

Она поняла и встала, едва снова не упав на затекших ногах. Втроем они повели ее куда-то в сторону от пригорка, где в редких зарослях можжевельника горбился какой-то холмик – шалаш, что ли. Но это был не шалаш, а яма с брошенной на краю кучей елового лапника, и тот, в кубанке, просто сказал:

– Лезь. Там не глубоко.

Она неловко спустилась на дно сухой и песчаной ямы, оказавшейся ей по плечо, невольно подумала: ну чем не могила? Сухая, уютная...

– Садись и сиди, – незлобиво приказал все тот же, в кубанке, наверно, здесь старший. Вдвоем с ее конвоиром они пошли за пригорок. Парень с автоматом остался, судя по всему, ее стеречь.

Она села на дно, боком прислонилась к песчаной стене ямы, в мокрых рукавах жакета сцепила настывшие руки. Она хотела только согреться и думала, сколько ей здесь сидеть. Но если посадили в яму, так, наверно, посидеть придется. Часовой наверху с кем-то тихо переговаривался, и она, напрягая слух, услышала обрывки разговора – поехал... когда приедет... а хер его знает... Торчи тут с ней...

Ясно, она для них – не большая радость, явилась во внеурочный час, и вот надо ее стеречь. Да и тот, длинный ее конвоир, тоже всю ночь не спал, караулил, вел. Бедный партизанчик, с благодушной иронией вспомнила она и не в лад с прежними мыслями зло подумала о немцах – что натворили! Какое замешательство произвели в людях. Конечно, собственных сил оказалось маловато, набрали пособников, благо было из кого. Обиженных прежней властью хватало, о том позаботились большевики,

На болотной стежке. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru все предвоенные годы по существу готовившие кадры для оккупации. В общем, поступили вполне предусмотрительно, иначе с кем бы теперь воевали эти партизанские отряды? Немцы далеко – за тысячу верст в Германии или за столько же на Восточном фронте. Эти же оказались как раз под рукой, близко и все знакомые. Бывшие свои, что во всех отношениях удобно. Кроме разве морального. Но в войну мораль значит ничтожно мало. Тем более для безбожников.

Наивные немецкие руководители (если только наивные), по-видимому, полагают, что жестокостью запугают, что партизаны в конце концов сжалятся над безвинным населением – перестанут подрывать, саботировать и сжигать. Плохо, однако, оккупанты их знают: эти никогда никого не пожалеют, жалость – не их религия. Их религия – беспощадность.

Кровавое, очумевшее от крови племя. Не остановятся, пока не перегрызут горло – и врагу, и друг другу.

Какое-то время спустя она вроде согрелась в песчаной яме. Или, может, свыклась с туманом и стужей. Стараясь не двигаться, изредка поглядывала вверх, на край ямы, где раза два встретила любопытно-испуганный взгляд парня-караульщика. Хотела даже окликнуть его, да не решилась, потому что тот всякий раз торопливо прятал голову за краем ямы. Показалось, это был дурной знак. Так боятся в деревне покойника или того, кто уже на краю жизни. Словно караульщик что-то уже знает. Либо чувствует. Печально было ей это обнаружить.

К своему удивлению, она теперь не очень боялась и, должно быть, особенно плохого и не чувствовала. Все же, хотя с ней и происходило что-то малоприятное, но вокруг были привычные люди, говорили на знакомом языке, и она могла им сказать, что хотела. Она уже знала, что предчувствие в определенные моменты как бы отключается и может даже здорово обмануть человека. Как в случае с ее отцом, учителем математики, в его последнее в жизни утро. И тогда до последнего часа ни он, ни она не предчувствовали ничего особенного, не видели угрожающей ему опасности. Опасность в то утро нависла над извечными жителями этого местечка – евреями. Отец же был белорус, чего было за него бояться?

Отец в то время редко выходил из дому, обычно сидел у окна с немецкой книжкой-учебником, освежал полузабытые знания немецкого языка. В местечке же творилось невообразимое – извечных его жителей выгоняли из их убогих жилищ, собирали на рыночной площади, чтобы куда-то вести. Имущество приказано было оставить в распоряжении полиции, взять с собой только деньги и ценности, теплую одежду и еды на три дня. Никто ничего толком не знал, но люди считали, что если на три дня, то повезут далеко, возможно, на работу в Германию. Некоторые, правда, предчувствовали, какая это будет Германия. Вечером накануне из района приезжал знакомый отца, который сообщил шепотом, что там за старым кладбищем роят большую широкую яму – для кого бы только? Но для кого, теперь можно было догадаться. Евреи, однако, не хотели догадываться, потому что трудно было представить, чтобы такое было возможно – без вины и суда убить столько невинных людей. И с утра старые и малые, женщины, парни и девчата с котомками за плечами, с плачем и отчаянием, гонимые пьяными полицией, шли на базарную площадь. Там же обходились и уже известный местечковцам комендант района по фамилии Функ. На объявлениях, наклеенных на углах синагоги, он именовался также доктором Функом, что вчера вызвало доброжелательный отклик отца, всегда уважавшего образованность. Об этом он как-то мимоходом заметил дочери, которая, занятая домашними делами, не обратила на то внимания.

Она еще спала на диване с Владиком, когда на рассвете к отцу постучал их квартирный хозяин – кузнец Ицик Каган. Он пришел проститься с многолетним квартирантом и со слезами высказывал ему свою благодарность, божился, что старался его ничем не обидеть, а если что и было не так, то пусть товарищ учитель простит, потому что больше им на этом свете не встретиться. Отец с обросшим щетиной лицом молча выслушал его, обнял дрожащими руками, а когда тот вышел, решительно обернулся к шкафу, откуда достал свой старосветский сюртук, взял узорчатую палочку, которая с царских времен стояла в шкафу за одеждой. Почувствовав намерение отца, дочка вскочила с кровати и бросилась к нему – отец, не иди, не иди, отец!.. Тот сурово так взглянул на нее – почему не иди? И застыл, ожидая ответа. Но что она могла ему ответить, что она знала, кроме того, что запоздало почувствовала. И отец, без шапки, с непокрытой седой головой, пошел – во двор, через калитку на брук и скрылся за углом кузницы. Больше она его не видела...

Уже потом люди рассказали, что отец подошел к коменданту, который в окружении полицейских помощников стоял на площади, и поклонился, чего никогда прежде не делал. По-видимому, комендант не сразу обратил на него внимание, – он принимал рапорта подчиненных, которые сгоняли и пересчитывали в колоннах евреев. Потом, вероятно, услышав знакомую речь, с интересом на потном багровом лице обернулся к отцу. Что тот говорил ему, люди не поняли либо недослышали, но рассказывали, что старик говорил много, словно даже отважился спорить с немцем. Чем-то он рассердил коменданта, потому что тот скоро начал кричать. Будто бы и учитель что-то выкрикнул. Одни говорили, что крикнул: Сталин, а другие – Гитлер, а возможно, и то и другое поочередно. Тогда старший полицейский, бывший милицейский начальник, ударил его по голове палкой, которой в то утро избивал евреев, и отец упал. Он лежал на земле, не двигаясь, и никто не подходил к нему, наверно, он там и скончался. Уже мертвого, его бросили потом на подводу, где лежало несколько тел тех, кто не выдержал последних в их жизни испытаний. Спустя немного времени печальная процессия местечковых евреев начала свой скорбный путь к общей огромной могиле на окраине районного центра, возле которой с наведенными пулеметами дождалась немецкая эйнзатц-команда. Когда все было кончено, сверху на тела расстрелянных евреев бросили белорусского учителя. Потом полиция пустила слух, будто и он оказался евреем и по собственной воле предпочел эту яму. А теперь вот и она, его единственная дочь – в неопределенном ожидании, может, такой же судьбы. Наверно, оказалась не умнее отца. Может, весь их род оказался с каким-то генетическим браком, нарушившим элементарный механизм самосохранения. Но без врожденного инстинкта самосохранения может ли существовать особь, человек, да и нация в целом? Разве что до определенного критического момента. Похоже, для нее такой момент наступил.

А вообще она не ощущала в том окончательной уверенности, хотя и давно готова была ко всему. Понятно, что с генетическим браком долго не выжить. А тот брак в ее случае есть не что иное, как банальная человеческая глупость. Сколько о том рассуждал ее отец, который всегда остерегался в поступках и высказываниях, сторонился политики и рискованной дружбы, и вот – не уберется. Сам старый наивный дурак. Выходит, однако, и дочь не умнее.

Она снова вроде уснула и очнулась от громких мужских голосов, послышавшихся где-то поблизости. Кто-то кому-то – не ее ли караульщику – издали крикнул, что приехал Орел, едет сюда. Караульщик спросил: вытащить ее или нет? На что тот ответил: еще подожди!

Эта новость сразу разогнала ее сонливость и вызвала тревогу: начальство могло отнестись к ней по-разному. Но вряд ли с добром. Если посадили в яму, то что-то задумали, потому как яма – вроде преддверие могилы. Но пусть! Пусть и Орел, если он большой здесь начальник. Уж начальству она выскажет все. Все и обо всем, пусть знает...

Начальник появился неожиданно и близко, им оказался всадник. Из ямы она сначала увидела оскаленную пасть его вороной лошади, на которой живописно восседала крутоплечая литая фигура с усатым, словно у Буденного, лицом и решительным голосом человека, обладавшего властью. Красиво описав на лошади круг возле ямы, он тем временем продолжал с кем-то начатый не здесь разговор.

– Где взяли? Или сама прибилась?

– Учительница из Подлесья, – негромко ответил кто-то поблизости.

– Молодая?

– Смотрите сами. Зайцовский, вытяни...

Парень-караульщик подскочил к яме.

– Давай руку!

Она подала руку и, обрушивая рыхлую землю, неуклюже выбралась на поверхность. Напротив на вороном жеребце с насмешливой улыбкой глядел на нее Орел. Наверно, в самом деле это был сам Орел, большой начальник, по-мужски решительный и красивый. И она вдруг смутилась под его оценивающе-взыскующим взглядом; сразу было видать, что такой мог все – и убить и осчастливить. Учительница остро

На болотной стежке. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru почувствовала собственную перед ним незначительность, несомненную ущербность от своего непривлекательного затрапезного вида – в мокром, заношенном жакете, измятой юбке, с перепачканными грязью ногами в дырявых башмаках.

– Не красавица! – сурово насупясь, объявил Орел и нетерпеливо дернул поводьем. Жеребец красиво сделал полный поворот на месте.

– Учительница, – вроде как виновато сказал другой, и она вдруг узнала в нем мягковолосого блондина, что сидел за столом у Нюрки. Он был все в том же немецком кителе с густым рядом оловянных пуговиц на груди.

– А мне один хрен! – сердито объявил Орел. – Мне молодую надо. Эта не пойдет.

Не в лад с собственным настроением учительница вдруг смутилась – все-таки слышать это о себе из уст красавца мужчины было не очень приятно. И ей стало обидно за утраченное женское обаяние, которое она когда-то даже ценила в себе. Но, может, и лучше, тут же подумала она, может, скорее отпустят домой...

Орел отъехал на своем жеребце поодаль, с ним отошел от ямы ее знакомец. Они там поразговаривали недолго – Орел в седле, а его собеседник снизу, задирая вверх голову... Потом всадник куда-то поскакал между сосен, блондин степенным шагом подошел к яме.

– Эту обратно, что ли? – спросил караульщик. С виду он был совсем еще мальчишка-школьник – малый, в подростковом пальтишке, с шеей, обвязанной шерстяным вязаным шарфом.

– Подожди, – мягко сказал блондин. – Иди вон за кусты, покури...

Парень послушно отошел в можжевельник, а этот устало опустился на траву возле ямы. Она все стояла, вглядываясь в его лицо и стараясь вспомнить: где его видела? А что до войны где-то видела, это было точно.

– Смотришь, не узнаешь? А я сразу узнал. Ты ведь – жена Подберезского?

– Была, – не удивившись, сказала она.

– Ну вот... А мы с твоим Афанасием вместе учились. На выпускном снимке наши фото рядом. Наверно же, видела?

Она вдруг все вспомнила. Действительно, на большой групповой фотографии преподавателей и выпускников рабфака рядом с фотографией мужа был этот блондинистый парень с рассыпавшимися на голове волосами и хорошим приветливым взглядом. После ареста Афанасия фотографию забрали в НКВД, и она больше ее не видела. Теперь смотрела на этого человека и не знала, что сказать – радоваться или горевать? И покорно-молчаливо стояла перед ним на краю ямы.

– Садись, чего же стоять? – добродушно разрешил он и поднял с земли сухую ветку. – Поговорим...

Учительница села, не выбирая куда, зябко подобрала под себя настывшие грязные ноги.

– Я тут за начальника разведки и контрразведки, – тихим голосом сообщил человек. – Хотели тебя в гарнизон внедрить. Там ведь бывшие нацдемы, сработались бы...

Она молча удивилась – услышать о себе такое никак не ожидала.

– Я не нацдемовка...

Человек переломил пополам и отбросил в сторону сухую ветку, подобрал из травы другую.

– А ты не отнекивайся. Нацдемы – не такие уж и плохие люди... Афанасий же твой был нацдем?

– И Афанасий им не был. Доносы все...

На болотной стежке. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
– Доносы – это плохо. Хуже, чем тиф... От тифа вылечиться можно, а доносы до смерти потянут.

Это правда, молча согласилась она. Разве не доносы погубили ее Афанасия? Да и ей испортили немало крови... Но вот отца доносы вроде обошли, никто о нем не мог написать скверного слова. Он так остерегался национализма, а вот тоже...

Ее собеседник, похоже, чувствовал себя усталым, сидел в сырых, отмытых в болотной воде сапогах и вяло продолжал разговор. По всему было видать, что разговор этот не слишком интересовал его, пожалуй, он просто тянул время, изредка поглядывая на большие наручные часы.

От пригорка с ямой шел вниз пологий лесной косогор, с разбросанными на нем можжевельными кустиками, ниже росло несколько хилых, с поредевшей листвой березок. Выше, на пригорке меж сосен иногда появлялись люди, но близко к яме не подходил никто, все вроде сторонились ее. Поднявшийся ветер уже разогнал дым от костра, вокруг беспокойно шумели старые сосны. Время, вероятно, близилось к вечеру.

– Вы отпустите меня домой, – сказала она. – Там сын у меня. Один.

От этих ее слов начальник будто встрепенулся на траве, в его усталом взгляде, похоже, мелькнуло понимание.

– Сын? И у меня был сын. Да не стало, – сказал он. – Война...

– А жена? – неожиданно для себя спросила учительница.

– И жена, – вздохнул начальник. – Была...

– А этот Орел ваш – не местный? – спросила она, чтобы не молчать.

– Присланный, – просто подтвердил он. – Но это кличка – Орел. Лесной псевдоним. Как я, например, – Жуков. А в самом деле Петюкевич. По паспорту.

– А зачем так? – спросила она.

– Так полагается. Для конспирации.

Она немного задумалась, пытаясь понять смысл сказанного. Впрочем, тут и понимать было нечего: к чему конспирация среди своих, с какой целью? Если делать добрые дела, то какая надобность прятаться за клички? Иное дело – если бесчинствовать. Тогда приходится изворачиваться. Чтобы не нашли, не разоблачили. Свои или немцы – кому как придется.

Петюкевич-Жуков вроде незаметно для нее опять взглянул на часы – и ей совсем сделалось не по себе от предчувствия самого плохого. Только появилось что-то светлое в разговоре с человеком-начальником, как вдруг все исчезло. Было очевидно, что он тянул время, чего-то выжидая. Может, сумерек, что ли?

– Националистов мало осталось, – тем временем вяло рассуждал начальник разведки. – До войны всех подобрали. А теперь и работать не с кем. В разведке. Большевикам же немцы не доверяют...

– Разве не доверяют? – сказала она. – А могли бы. Не большая разница.

– Разница не малая, – рассудительно возразил начальник. – Во-первых, идеология. Потом – язык. Это у евреев с немцами почти один язык, отлично понимают друг друга.

– Но почему же партизаны не защищают евреев? Недавно еще так защищали. От антисемитизма.

– А зачем защищать? Злее будут, начнут бороться. А то привыкли, чтобы за них другие кровь проливали... Так и крови не хватит.

Гляди, как поворачивает! – молча удивилась учительница. Похоже, антисемит, однако...

– Ладно, не будем об этом, – сказал он и внимательно посмотрел в кусты, где, затаившись, сидел ее караульщик. И она подумала, что действительно, этой темы ей лучше не трогать.

Впрочем, она и не трогала ее, никогда о том не говорил Афанасий Петрович, другие хорошие ребята, белорусские интеллигенты, которые искренне добивались хорошего для всех людей: белорусов, поляков, евреев. Может, они и были националисты, но сперва являлись демократами. Уж не за этот ли их демократизм многих и лишили жизни, а ее, как только она решилась что-то сказать, посадили в яму? Словно расслышав ее мысли-заботы, Петюкевич сказал:

– Да, знаешь... Если бы не твой муж, может, тебя бы и отпустили. Орел – русак, в наших делах он не слишком... принципиальный. Но если националисты... Тогда другое дело.

Что они цепляются с этим их национализмом? – почти в отчаянии подумала учительница. Какая она националистка? Разве потому, что пошла просить за Алену да сказала о всех деревенцах? А если бы не пошла, сидела взаперти, как другие, тогда кем бы она стала? Советской интернационалисткой? Но она же крещеная, и ей болит, когда болит людям. Это им не болит ничего, кроме собственной боли, а кожа у них толстая. Кабанья кожа.

Издали из можжевельника, уже не прячась, поглядывал в их сторону парень-караульщик, и она смешалась, подумав: кто ее будет расстреливать? Этот Петюкевич-Жуков или тот парень? Очень не хотелось, чтобы это делал парень. Все же она столько лет проработала учительницей, чему-то, наверно, научила этих парней. Да иные учили другому, и теперь один из этих учеников будет ее расстреливать.

– Не могу ли я вас попросить? – обратилась она к Петюкевичу. – Чтоб хотя не трогали сына. Малый еще...

– Ну, за сына не бойся... Сын за отца не отвечает, так что будь спокойна.

Как сыновья не отвечают за отцов, она уже слышала и знала, как это бывает в жизни. И ей снова стало противно, подступала обида неизвестно на кого, и она спросила с ожесточением:

– А вы не боитесь?

Петюкевич неопределенно хмыкнул и ответил почти по-философски:

– Кто не боится!

Она все поняла. Может, он человек и неплохой, рожден неплохой матерью, но он уже сломлен. Он раб, невольник, который, чтобы выжить в этой паучьей схватке, губит других. Как и они все. Или большинство. Возможно, в этом самое большое несчастье нации... Жаль, что она – не националистка. Может, муж им и был, а она – нет. Она опоздала. К большому ее сожалению...

– А вообще ты молодчина! – помолчав, сказал Петюкевич-Жуков и, наверно впервые, внимательно посмотрел ей в лицо. – Мне бы жену такую.

– Какую? – почти с отчаянием вырвалось у нее.

– Такую, несломную. Чтоб не поддалась.

Спасибо, невольно мелькнуло в ее взбудораженных мыслях. Это был едва ли не единственный, за многие годы услышанный ею комплимент. И от кого – подумать только! Если все осознать да почувствовать, так можно сойти с ума. Может быть, и хорошо, что для того у нее уже не оставалось времени. Ни жить, ни сходить с ума.

Недолго еще посидев у ямы, Петюкевич неторопливо поднялся, машинально отряхнул рукой штаны сзади. Что-то поняв, к ним ближе подошел парень с автоматом на ремне. Они ничего больше не сказали друг другу, но учительница все поняла и тоже встала.

– Что, здесь? В яме?

– Не здесь. Пройдем, прогуляемся...

Начальник разведки-контрразведки неспешным шагом пошел вниз с пригорка – в сторону недалекого, с ольшаником, болотца. Учительница поняла его намерение и лишь пожалела, что это случится в неудобном и некрасивом месте. Сызмала она не любила таких сырых и темных, поросших ольхой зарослей, ее больше привлекали березки, сухие боровые пригорки. Хотя чего уж было сожалеть, на что лучшее рассчитывать! Она покорно шла сзади, рассеянно глядя на стоптанные каблуки Петюкевича, его кожаную кобуру с немецким пистолетом на плетеном ремешке, который размеренно болтался на тощем заду. За ней тихо шел парень-караульщик. Ну вот и все, думала она с давней привычной скорбью. Все старалась что-то вспомнить, что-то понять для себя, может, самое важное перед концом, и не могла поймать нужную мысль. Вот и все, вот и все – взволнованно звучало в ушах, и даже не явился естественный в ее положении вопрос – за что? Наверное, спрашивать о том было уже поздно, и она не спрашивала. Знала, ответа не будет.

В сумерках раннего вечера они набрели на едва заметную внизу стежку, ведущую куда-то в темный ольшаник. Петюкевич на минуту остановился, пропустил ее вперед. Она молча и послушно прошла мимо него, все ожидая выстрела или, может, автоматной очереди сзади. Но пока в нее не стреляли. И вдруг она подумала: а может, ее только пугают? Испытывают? Последняя надежда вспыхнула в ней так ярко, с такой необоримой силой, что она содрогнулась от радости. Она уже готова была оглянуться и засмеяться своему открытию, как именно в этот момент в ее затылок грохнуло. Свет в глазах сразу погас, ольшаник опрокинулся, она упала. Но скончалась она не сразу – остатком сознания еще поймала где-то вблизи знакомый мужской голос:

– Оттащишь куда со стежки. Подальше, в болото...

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://bykovvasil.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!